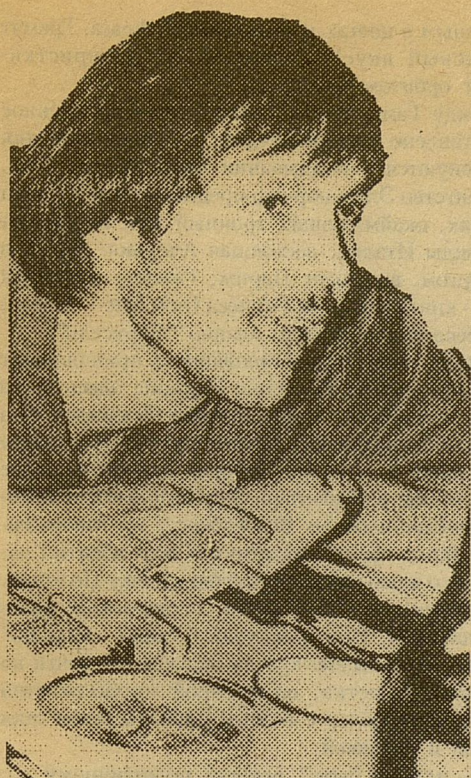

Сейчас актера театра "Ленком" Сергея Чонишвили часто можно увидеть или услышать в телерекламе — стремительная череда крупных и общих планов, соединенных в некое целое техникой монтажа, и, в финале, ослепительная улыбка сконструированного из фрагментов пленки чело века.

На канале "Доброе утро" Чонишвили ведет рубрику "Квик Трим Шоу", нечто вроде утренней зарядки для хорошего настроения — четкими движениями дирижирует приседающей публикой, создавая образ идеально отлаженного механизма, работающего, как часы. Он сам — совершенный продукт современных технологий, он сам — суперкачественные рубашки фирмы "Стентор" или супердейственные лекарственные препараты.

Актер Сергей Чонишвили может все, как мирный атом из старой песни Аллы Пугачевой, — за кадром может озвучить четырех человек, изобразив пришельца из космоса или мистера Вселенной, на сцене может играть роли Александра Абдулова и Александра Збруева, легко входя в любой сценический рисунок. Вопросы возраста и амплуа оказываются для него

В 1986 году закончил училище им. Щукина, курс М.Р.Тер-Захаровой; играл в дипломных спектаклях — "Цена", "Прощай, оружие!", "Водевилли".

Сразу после окончания пришел в Ленком. Роли: Никита в "Жестоких играх", Глузов в "Мудреце". В спектаклях Независимого театрального проекта — Феликс в "Игре в журики" и Визошине в "Ночи трибад". В кино: "Мой бедный Пьеро", "Псих и мелочевка", "Высшая истина бомбиста Алексея", "Катюша и шиз", сериал "Петербургские тайны".

Роль актера. — 1995. — № 8-9. — С. 8-9

СКАЗКА О ПОТЕРЯННОМ ГЕРОЕ

всего лишь проблемой режима работы — достаточно повернуть рычажок, чтобы переключиться со 120 вольт на 220. Кажется, что при желании он мог бы исполнить роль Инны Чуриковой.

Несколько лет назад Сергей Чонишвили пришел в "Ленком" новым героем нового времени — именно он начинал репетировать Егора Дмитриевича Глузова в захаровском "Мудреце". Позже зрители увидели спектакль, где Глузова играл Виктор Раков — играл недотепа, маменькиного сынка, глупенького, немоющего, в большей степени Бальзамина, нежели Глузова. Глузов Ракова и вправду подлизывался и льстил сильным мира сего самым беспардонным образом. Глузов Чонишвили был тончайшим иезуитом, не мямлей, но умным злым мальчиком, который поставил на карту самого себя, чтобы схватить большой куш.

Чонишвили играл человека, рассыпавшегося на мелкие зеркальные осколки, в каждом из которых отразился тот или иной персонаж спектакля. Его Глузов изничтожал и изживал самого себя, свое собственное "я" без остатка — с тем, чтобы предстать перед зрителями таким образом, самим чертом, жонглирующим масками. Почтительный юноша, страстный любовник, умеренный консерватор или неумеренный реформатор —

именно он был хозяином этого бала, и, внезапно, заговорив на французском, inferнальным видением, миражом Глузов проходил между застывшими в оцепенении персонажами.

Глузов Чонишвили гоголевским Хлестаковым исчезал за кулисами, оставляя только злосчастный дневник, как письмо Тряпичкину. Он приносил в спектакль ту зловещую, гнетущую атмосферу, которая с приходом Ракова осталась только в сценографии, в давящем великолепии опускающихся люстр и самодвижущихся столов, в непредсказуемых истерических выходках Мамаевой и Турусиной.

Похоже, что тогда сам режиссер испугался этого выхолащенного опустошенного циника — заменив Чонишвили, Марк Захаров внес покой в привычный и удобный мир мамаевых и крутицких и дал им ощущение власти над жизнью.

С того момента в спектакле Сергей Чонишвили появлялся лишь тенью первого состава, вводясь на роли то гусара Курчаева, то Голорудина; с того момента в "Ленкоме" Чонишвили стал двойником народных и заслуженных артистов — блуждающим призраком своего несыгранного Глузова — фантастического иллюзиониста, в секунду принимавшего чужие личины.

В Глузове Чонишвили не оставалось ничего — ни чувств, ни

эмоций; он оказывался принципиально антилиричным. Глумов переходил грань реальности и, попадая в другое измерение, приобретал дьявольскую силу и власть.

Феликс, сыгранный Сергеем Чонишвили в спектакле "Игра в жмурики" (Независимый проект Андрея Житинкина), попытался пройти обратный путь — превратиться из черта в обыкновенного смертного.

В течение всего действия Феликс преобразуется, изменяется с легкостью и техническим совершенством компьютерной анимации, он может остановить сердце простым приказом или поместить свою голову на блюдо подобно графу Калиостро из захаровского фильма "Формула любви". Он запутывает и партнера, и зрителей, представая по очереди то агентом КГБ, то агентом ЦРУ, то писателем — диссидентом, то гомосексуалистом, — работая словно механизм, разбирая себя на составные части.

Феликс выходит на сцену холодным и расчетливым естествоиспытателем, демонстрирующим себя и следящим за реакцией окружающих, он не столько вызывает своего коллегу по моргу Аркадия на конфликт, сколько требует от него исполнения роли благодарного зрителя своего феерического бенефиса.

Чонишвили играет героя, который выкидывает сальто мортале и ставит опыт на себе и на других не потому, что не может покончить с собой, не потому, что ему мучительно больно жить. Болеть нечему — Феликс словно механический человек распадается на глазах, представая грудой металлолома. Он оказы-

вается зеркальной системой трюмо, которое, согласно закону геометрии об углах падения и отражения, разбивает и дробит трехмерную реальность на плоскостные ракурсы, умножая их до бесконечности.

Зрители терялись в этом лабиринте, до сути не — возможно было дойти — ее просто не было. Вопреки логике пьесы Феликс — Чонишвили вполне мог совершить самоубийство — из той же страсти к представлению, к игре — трансформации. Феликс умирает, но умирает так, как умирают в американских боевиках гангстеры, — с перерезанным горлом падает на каталку, обливаясь потоками красной жидкости, и застывает с широко открытыми глазами, изображая смерть.

Фокус не удался — попытка превратить Феликса в живое существо выглядит не более, чем очевидный обман; разбитый однажды на мелкие осколки, герой Чонишвили утрачивает цельность, оставшись скорее раскадровкой, нежели самим человеком.

Обратной дороги не оказалось — герой Чонишвили мог быть кем угодно, кроме самого себя. Как андерсеновская Русалочка, продавшая свой голос за жизнь с людьми, герой Сергея Чонишвили — тот самый Егор Дмитриевич Глумов — продал себя за возможность быть всем, за невозможность быть собой.

Ольга Богомалова

